

ЧАСТНОЕ ПРАВО JUS PRIVATUM

А. В. Коновалов*

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В представленной статье автор формулирует вывод: справедливость в гражданском праве следует понимать как этически обоснованное стремление участника гражданского оборота при осуществлении принадлежащих ему прав и исполнении лежащих на нем обязанностей учитывать интересы других лиц и общественные интересы, избегать злоупотребления правом, соблюдать равенство в положении участников гражданского оборота и при необходимости посылить на себя более высокие, чем того требует закон, обязанности и бременения. В работе также отмечается, что функциональными аспектами гражданско-правовой справедливости являются, в частности, обеспечение полноценной реализации гражданской правосубъектности, надлежащее исполнение обязательств, защита слабых участников гражданского оборота и др.

Ключевые слова: справедливость, добросовестность, разумность, принципы гражданского оборота, гражданские права и обязанности, гражданский оборот, частные и общественные интересы, гражданское законодательство.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.027-036

Понятие справедливости с древнейших времен ассоциировалось у людей, принадлежавших к разным народам и эпохам, с правом и правовым регулированием; в представлениях об устройстве общества и правопорядка право и справедливость всегда были неразрывно связаны. Для права Древнего Рима справедливость в самых ее широких и многоплановых трактовках получила выражение в системообразующем понятии *aequitas*; у авторов Дигест не вызывало сомнения, что «право получило свое название от слова «справедливость», ибо право есть искусство доброго и справедливо-

го» (D.1.1.1)¹. Справедливость в различных ее аспектах и понимании занимала ключевое положение в богословских и политологических трудах Фомы Аквинского², благодаря чему оно в значительной степени стало конституировать понятие естественного права до начала его трансформации в корпус «неотъемлемых и естественных прав человека» (соответственно, ключевым это понятие остается и в работах современных неотомистов³).

Из необходимости достижения общественного согласия по поводу принципов социальной справедливости исходил Д. Ролз в своей

¹ Во многих современных европейских языках, включая славянские, понятия «юстиция» и «справедливость» по-прежнему выражаются одним и тем же термином.

² В его понимании справедливость — не только воплощение объективного порядка, соответствующего естественному праву, но и одна из основных, «кардинальных» добродетелей (см.: Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017. С. 155).

³ Так, оно неоднократно встречается у Д. Финниса: «Теория справедливости должна установить, что положено человеку в тех обстоятельствах, в которых он находится, а не в условиях какого-то другого, иде-

либерально-государственной концепции права⁴. Вокруг «принципов справедливости», понимаемых в качестве объективно существующих абстрактных предпосылок для признания и защиты в установленном в данном обществе главным образом судебном порядке конкретных прав личности и конкретного человека, вся многообразная совокупность которых сводится к обеспечению справедливого распределения благ в обществе и соблюдению равенства между его членами, построил свою концепцию Р. Дворкин⁵.

В отечественной науке понятие справедливости не слишком часто помещалось в контекст формулировок принципов права, в основном термин употреблялся в сочетании «социальная справедливость» и при необходимости противопоставления фальшивой справедливости буржуазного права. Пожалуй, впервые более

или менее серьезный анализ значения принципа справедливости для правового регулирования был сделан в фундаментальном труде Г. А. Свердлыка, который относил справедливость советского права к его общеправовым принципам наряду с демократизмом, интернационализмом и гуманизмом⁶. В новейшую эпоху к теме справедливости в праве обращались С. С. Алексеев, подчеркивавший главенствующую роль принципа социальной солидарности⁷; В. М. Ведяхин и К. М. Ведяхина, рассматривавшие справедливость в контексте группы общих нравственно-этических принципов права⁸; С. А. Иванова, назвавшая принцип социальной справедливости общим принципом права, который растворяется в массиве гражданского законодательства и составляющими которого являются разумность и добросовестность⁹; А. С. Гайдук и А. А. Киселев, квалифицировав-

ального мира»; «Тот, кто ищет справедливости, должен поступать справедливо» и т.д. (Финнис Д. Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 331, 441—442).

⁴ Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 5—20.

⁵ Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. С. 30—31.

Понятие справедливости активно используется в доктрине и судебной практике стран системы общего права. Так, «золотым правилом» английского права считается максима «избегать абсурдности и несправедливости при толковании законов».

⁶ При этом принцип справедливости автором понимается не всегда правильно. К числу проявлений этого принципа отнесены случаи недействительности сделок с пороками воли; «соизмерение результатов созидательных действий субъектов и воздаяние им согласно количеству и качеству труда на пользу обществу»; возложение ответственности на причинителя вреда. Автор затрагивает важный аспект действия принципа справедливости: он проявляется в нормах «оценочного свойства, выражающих заинтересованность государства и общества в установлении и поддержании правопорядка в сферах регулируемых общественных отношений» (этот тезис, впрочем, может быть отнесен ко всем подлинным — по сути, а не по нормативному свойству — принципам права, но его значимость именно для принципа справедливости сообразна первостепенной значимости самого принципа); в нормах, которые регламентируют «нормальные взаимоотношения субъектов», позволяя им приобретать права и обязанности (вещные, обязательственные, авторские и изобретательские) на эквивалентно-возмездных началах; в нормах, содержащих в себе «гарантии, обеспечивающие реализацию права граждан на личную жизнь, неприкосновенность жилища, на уважение чести и достоинства и их защиту, на свободу личности». В то же время автор опять не избегает «подтягивания» под сень принципа справедливости таких частных идеологем, как «предоставление субъектам дополнительных прав, льгот и мер государственного поощрения» и «стимулирование к творчеству и развитие творческих способностей» (Свердлык Г. А. Принципы гражданского права. Красноярск, 1985. С. 77). Но главное — этими перечислениями в целом исчерпываются представления автора о проявлениях принципа справедливости — важнейшего и фундаментального в гражданском праве. Не потому ли, что в современном ему правопорядке понятие справедливости все еще идеологически подавлялось понятием «революционной целесообразности», пусть прямо и не закрепленным в законодательстве, но де-факто определявшим жизнь общества во многих сферах и направлениях?

⁷ Алексеев С. С. Восхождение к праву // Собрание сочинений. М., 2010. Т. 6. С. 349.

⁸ Ведяхин В. М., Ведяхина К. В. Понятие и классификация принципов права // Право и политика. 2002. № 4. С. 27—28.

⁹ См.: Иванова С. А. Значение принципа социальной справедливости для гражданского права как отрасли частного права // Современное право. 2005. № 5. С. 42—47; Она же. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2006. С. 4—10.

шие принцип справедливости в качестве фундаментального правового начала, важнейшего принципа права вообще и гражданского права в частности, в соответствии с которым осуществляется построение всей системы права; правового идеала, с которым все остальные принципы права соотносятся как частное с общим¹⁰.

В литературе, как правило, признается, что понятие справедливости является широким, многоплановым и далеко не всегда правовым. В ретроспективе правовой философии и теории нет единого взгляда по поводу соотношения справедливости и права. Характерно понимание справедливости Б. Паскалем: «Справедливо подчиняться справедливости, нельзя не подчиняться силе. Справедливость, не поддержанная силой, немощна, сила, не поддержанная справедливостью, тиранична... Справедливость легко оспорить, сила очевидна и неоспорима... И неспособные сделать справедливость сильной люди положили считать силу справедливой»¹¹. Ф. Регельсбергер считал, что справедливость не представляет собой правового принципа, из которого можно было бы непосредственно выводить практические положения права¹². Л. И. Петражицкий, напротив, рассматривал в общем контексте справедливости права даже такой незаменимый инструмент гражданско-правового регулирования, как возмещение убытков¹³.

В наше время единое понимание справедливости тем более ставится под сомнение. По мнению П. Проци, «вокруг неизменной идеи справедливости полностью изменилась историческая картина»¹⁴. А. В. Поляков отмечает «относительность справедливости» в современном праве, обусловленную изменчивостью ценностей в различных общественных формациях¹⁵. Т. В. Милушева, проанализировав множество подходов к пониманию справедливости в отечественной и общемировой науке и практике, приходит к неутешительному выводу о «неуловимости содержания» данного понятия¹⁶.

В действующей редакции ГК РФ справедливость упоминается значительно реже добросовестности и разумности действий в гражданском обороте и гражданско-правовом регулировании, хотя ее значение неоднократно и вполне явственно обозначено законодателем. Требования разумности и справедливости поставлены им в один ряд с основными началами гражданского законодательства, которыми п. 2 ст. 6 ГК РФ предлагает руководствоваться для определения прав и обязанностей сторон при невозможности использования аналогии закона и аналогии права. Помимо данного положения может быть названа, в частности, норма п. 3 ст. 65.2 (о несправедливом лишении права участия в корпорации).

¹⁰ Гайдук А. С., Киселев А. А. Неприкосновенность собственности как принцип современного гражданского права России. М., 2004. С. 120, 149—150, 157, 160.

¹¹ Паскаль Б. Мысли. М., 1994. С. 335.

¹² Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М., 1897. С. 17.

¹³ По его мнению, возмещение убытков, если рассматривать его только с точки зрения защиты интересов пострадавшего лица, имеет спорное экономическое общественное значение (может вести к разорению экономически слабой стороны, не принимает во внимание значимость понесенного ущерба для более или менее экономически сильных субъектов), но обязательно выступает как необходимая жертва, которую приносит правопорядок для достижения глобальной цели — создания психологического препятствия для массы этически и экономически вредных действий, уменьшения количества патологических общественных явлений, имея не столько компенсаторное, сколько воспитательное воздействие, развивая чувство ответственности за свое поведение и уважения к интересам ближнего, инстинктивное и сознательное отвращение к вредному и неразумному поведению, создает и укрепляет полезные индивидуальные и массовые привычки поведения (см.: Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права // Теория и политика права. Избранные труды. СПб., 2010. С. 118—124, 131, 133—134).

¹⁴ Проци П. Указ. соч. С. 487.

¹⁵ Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2004. С. 53.

¹⁶ Принципы и презумпции в праве: междисциплинарный подход / Мордовец С. А. [и др.]. Саратов, 2017. С. 48—61. О принципе справедливости в праве см. также: Беседкина Н. И. Разумность как категория частного права. М., 2017. С. 117—120; Исмаилов Р. Ф., Сальников В. П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели. СПб., 2017. С. 13—171; Общее учение о правовом порядке. Восхождение правопорядка / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, Е. Р. Абызова [и др.]; отв. ред. Н. Н. Черногор. М., 2019. Т. 1. С. 53—66.

В то же время анализ норм действующего ГК РФ позволяет убедиться, что концептуальных норм, определяющих модели правового регулирования гражданского оборота через начало справедливости, в Кодексе существенно больше. Например, именно требованиями справедливости, а не только разумности и целесообразности обуславливаются правила п. 1 ст. 8, согласно которому в качестве оснований возникновения гражданских прав и обязанностей рассматриваются такие действия субъектов правоотношений, которые, хотя и не предусмотрены законом и иными правовыми актами, порождают гражданские права и обязанности в силу общих начал и смысла гражданского законодательства; а также п. 1 ст. 87 и п. 2 ст. 123.3 (участники ООО и члены потребительского кооператива, не полностью оплатившие доли, несут солидарную ответственность по обязательствам общества в пределах стоимости неоплаченной доли; такое же правило установ-

лено для членов потребительского кооператива в пределах невнесенной части дополнительных взносов); ст. 205 (восстановление пропущенного срока исковой давности). Требованиями добросовестности и справедливости правового регулирования обуславливаются правила ст. 1081 ГК РФ о праве регресса к лицу, причинившему вред; п. 2 ст. 1083 об учете грубой неосторожности потерпевшего, содействовавшей возникновению, увеличению вреда; невозможности по общему правилу взыскания вреда, наступившего вследствие умысла потерпевшего. К требованиям разумности и справедливости закон прямо адресует суды при определении ими размера компенсации морального вреда (п. 2 ст. 1101)¹⁷.

Понятие справедливости и соразмерности все чаще и активнее применяется в практике высших судов РФ¹⁸.

Признание современной отечественной юриспруденцией роли и значения справедли-

¹⁷ В ряде норм ГК РФ законодатель говорит также о требованиях нравственности. Однако с учетом как ранее предложенных аргументов о соотношении права и морали, так и буквального, систематического и логического толкования этих норм есть основания утверждать, что о формулировке законодателем принципа нравственности в качестве еще одного начала гражданского законодательства говорить не приходится. Так, в п. 3 ст. 35 (при назначении опекуна и попечителя должны учитываться нравственные и иные личные качества) речь идет лишь о наличии морально-этического аспекта деловой репутации и компетентности потенциального специального субъекта; в ст. 169 (недействительность сделки, заведомо противной основам правопорядка и нравственности) и 181.5 (ничтожность решений собраний участников юридического лица, которые противоречат основам правопорядка и нравственности) констатируется наличие в обществе наиболее важных, общепризнанных морально-этических ценностей и стандартов, которые подлежат защите от посягательств; именно об этих же основах нравственности по смыслу закона речь идет в п. 2 ст. 1 (в целях защиты нравственности гражданские права могут быть ограничены федеральным законом). В пункте 3 ст. 1064 говорится о «нравственных принципах общества», которые не должны нарушаться действиями причинителя вреда, если вред причиняется по просьбе или с согласия потерпевшего. Таким образом, речь в ГК РФ идет не об инструменте или технологии, которыми обеспечиваются оптимальные модели организации правопорядка, а об объекте охраны, которая призвана обеспечиваться другими инструментами и технологиями; элементе запроса общества на общественный мир, обуславливающий перспективы гармоничного развития личности в обществе. Данный вывод подтверждается и текстом п. 3 ст. 1064, из которого следует, что нравственные начала законодатель рассматривает не в качестве принципов права, а в качестве принципов общества.

¹⁸ Как отмечал Высший Арбитражный Суд РФ, основы конституционного строя Российской Федерации как элемент ее публичного порядка предполагают нравственное, добросовестное и соответствующее закону поведение участников гражданского оборота; судебная защита не может распространяться на деятельность, противоречащую основам правопорядка и нравственности (определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 ноября 2011 г. № ВАС-11746/11 по делу № А76-18682/2010-12-587). Как злоупотребление правами при защите прав квалифицировано судом применение поставщиком процентной ставки (912,5 % годовых), превышающей более чем в 100 раз ставку рефинансирования и более чем в 30 раз ставки кредитных организаций при предоставлении коммерческих кредитов (определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 декабря 2012 г. № ВАС-16905/12 по делу № А32-5274/2011). В соответствии с практикой Верховного Суда РФ в случае отмены судебного акта о взыскании денежных средств на перечисленные во исполнение этого акта и не возвращенные средства начисляются проценты с момента вступления в силу итогового судебного акта, а в случае недобросовестного со-

ности в праве можно только приветствовать, но степень проработки этого понятия остается по-прежнему невысокой, что влечет разброс мнений по поводу как самого содержания понятия, его соотношения с понятиями добросовестности и разумности (справедливость охватывает добросовестность или наоборот?), так и его конкретных проявлений в практике правового регулирования.

Очевидно, что необходимо проводить различие как минимум между аспектами юридической (основным критерием ее соблюдения будет строгое соответствие тех или иных действий букве и духу закона; моделям поведения, рассматриваемым судебной практикой в качестве адекватного и доступного любому здравомыслящему субъекту в данных обстоятельствах), социальной (здесь во главе угла будут принципы распределения общенационального достояния, обеспечение равенства

возможностей, попечительская функция социального государства, социально ответственного меценатства о наименее социально защищенных категориях населения и о наиболее важных для общества и государства социальных некоммерческих проектах и пр.), обычной (основанной на преобладающих общественных представлениях о морали и нравственности), высокоморальной (предполагающей в качестве естественного проявления справедливости повышенный уровень правосознания, героизм вплоть до самопожертвования), религиозной справедливости. При всех отличиях названных аспектов они имеют множество взаимных пересечений, что неудивительно, ведь они имеют общий этический генезис. Однако для того, чтобы раскрыть содержание принципа справедливости, нужно найти гораздо более конкретные пересечения названных аспектов, которые позволят по крайней мере

действия взыскателя принятию первоначального решения — с момента зачисления денежных средств (п. 59 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 февраля 2017 г. № 6) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»). Примером недобросовестных действий Верховный Суд РФ считает невыполнение руководителем хозяйственного общества требований законодательства о банкротстве об обращении в суд с заявлением о банкротстве и, как следствие, сокрытие от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении общества. Надлежащее исполнение кредитором обязанности по проверке полномочий органа управления контрагента образует на его стороне признаки добросовестности, и его интересам в сравнении с интересами должника, представившего подложные сведения, должен быть отдан приоритет (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 г.). Установив факт злоупотребления правом, например, в случае намеренного без уважительных причин длительного непредъявления кредитором, осведомленным о смерти наследодателя, требований об исполнении обязательств, вытекающих из заключенного им кредитного договора, к наследникам, которым не было известно о его заключении, суд отказывает кредитору во взыскании указанных выше процентов за весь период со дня открытия наследства, поскольку наследники не должны отвечать за неблагоприятные последствия, наступившие вследствие недобросовестных действий со стороны кредитора (п. 61 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»).

Гражданское законодательство, отмечает Конституционный Суд РФ, основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности и свободы договора; плательщики ренты и получатели ренты как стороны договора ренты приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий. Пункт 1 ст. 599 ГК РФ, предусматривающий, что в случае существенного нарушения договора пожизненной ренты плательщиком ренты получатель ренты вправе требовать от плательщика ренты выкупа ренты на условиях, предусмотренных ст. 594 Кодекса, либо расторжения договора и возмещения убытков, является способом защиты прав получателя ренты и учитывает данные принципы, которые провозглашены в числе основных начал гражданского законодательства, а потому не может расцениваться как нарушающий конституционные права заявителя (определение Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2012 г. № 318-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Юрия Никитовича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 599 Гражданского кодекса Российской Федерации»).

обсуждать их в единой парадигме правовых терминов.

Следует признать, что справедливость, чувство справедливости — в целом понятия из области морали. Однако на определенном этапе должно было произойти разделение морали и права; при этом последнее становится некой мерой общественного морально-рационального компромисса, выражающего баланс частных интересов различных лиц и их групп, частных и общественных интересов. Этот компромисс вербально выражен в позитивном праве; он изменчив в зависимости от обстоятельств времени, места, качества социальной среды и иных факторов, хотя в основе его и лежат неизменные и незыблемые общие принципы права. В числе этих принципов — принцип справедливости, при помощи которого на позитивное право транслируются морально-этические представления общества о праве и государстве. Мораль существует параллельно праву, также может меняться в зависимости от эпохи и географии, ее спектр может включать широкий разброс мнений и оценок. Принцип справедливости «сжимает» этот разброс, делает из него «среднюю выборку» для оптимального с учетом обстоятельств применения к позитивному праву. В то же время принцип справедливости дает возможность праву реагировать на состояние общественной морали и развиваться.

Сказанное позволяет предпринять попытку «сплотить» разнообразные аспекты понятия справедливости в более или менее однородный субстрат. Предположим, что результатом такого «сплочения» станет возможное понимание справедливости в двух вариантах: 1) «высокого стандарта», требующего наличия нравственного императива, милосердия, заботы о благе общества, особенно когда соответствующее поведение не предписано законом или не обеспечивается его санкцией, и 2) «общего стандарта», требующего только следования закону, которым предписаны общие условия стабильности общества за счет соразмерности воздаяний, адекватности взаимных предоставлений, баланса интересов; в том числе из прагматичного опасения оказаться в ситуации несправедливого отношения со стороны других при молчании закона. Оба эти варианта понимания справедливости выразимы в юридических терминах и могут учитываться в контексте оценки именно юридически значимых действий участников различных правоотношений. Таким образом, широко понимаемая юриди-

ческая справедливость — это адаптация более высоких стандартов этически оправданного поведения к актуальным социальным условиям.

Цель этой адаптации исключительно значима, а значение — исключительно высоко. Она позволяет, с одной стороны, привнести в правовое регулирование (особо подчеркнем — не в комплексную совокупность мотиваций следования праву, которая в качестве важной составляющей неоспоримо включает в себя мотивации нравственно-этические, а именно в субстанцию правового регулирования) этический элемент, причем не в аморфном и внутренне неоднородном состоянии, что предполагало бы свойственное англосаксонской теоретической юриспруденции перманентное сопоставление и противопоставление понятий морали и права, а именно в состоянии, пригодном для применения юридических терминов и юридических подходов. С другой стороны, это позволяет индивидуальной и общественной этике иметь в правовом порядке свою основу и проекцию — стабильную и интегрированную в систему именно практически реализуемых общественных явлений и понятий.

Принцип справедливости, таким образом, может быть раскрыт через стремление субъекта правового порядка к максимально безупречному участию в социальных взаимодействиях за счет этического осознания необходимости баланса интересов, соразмерности и гуманности всего происходящего в правовом порядке, несения каждым посильного бремени общественных интересов и помощи ближним; неукоснительного исполнения законов, предписаний и рекомендаций правового порядка, даже если это исполнение не обеспечивается угрозой наказания или перспективой личной выгоды. В преломлении к потребностям гражданско-правового регулирования общественных отношений понятие справедливости может быть сформулировано более компактно: справедливость — это этически обоснованное стремление участника гражданского оборота при осуществлении принадлежащих ему прав и исполнении лежащих на нем обязанностей учитывать интересы других лиц и общественные интересы, избегать злоупотреблений правами, готовность соблюдать равенство в положении участников оборота и при необходимости посильно принимать на себя более высокие, чем того требует закон, обязанности и обременения.

Наряду с принципами добросовестности и разумности, принцип справедливости должен

пронизывать все нормы действующего законодательства, ведь само законодательство, само право призваны обеспечивать, гарантировать справедливость; само их бытие должно во всем быть манифестацией и реализацией данного принципа. Как представляется, при анализе каждой отдельно взятой нормы закона, вне зависимости от ее отраслевой принадлежности, речь должна идти о проявлении в ней принципа справедливости. В одних нормах такая манифестация выражена явно; в других скрыта более отчетливо выраженной ассоциацией с другими принципами права; третьи носят в значительной степени технический, этически и концептуально нейтральный характер; наконец, четвертые (если таковые найдутся) не отвечают принципу справедливости.

Присутствие принципа справедливости во всех концептуальных, т.е. так или иначе раскрывающих основное направление правовой политики данного правового порядка, нормах закона — это не громкие слова и не декларация, а *conditio sine qua non* эффективности всякой цивилизованной правовой системы.

В качестве наиболее важных функциональных аспектов гражданско-правовой справедливости могут быть названы:

- обеспечение полноценной реализации, в том числе через свободу волеизъявления, гражданской правосубъектности, без которой невозможны достижение справедливо принадлежащих каждой личности неотъемлемых прав и правового статуса, реализация справедливо полагающейся каждому возможности самореализации и гармоничного развития в обществе; лица, по какому-либо предусмотренному законом основанию не обладающие теми или иными элементами этой правосубъектности (в частности, не обладающие в полном объеме гражданской дееспособностью), должны быть обеспечены эффективными механизмами восполнения этого недостатка;
- обеспечение подлинного, а не декларированного равенства участников гражданских правоотношений;
- признание значимости фактически сложившихся аффилированности друг с другом отдельных участников гражданского оборота и зависимых состояний одних по отношению к другим (примерами могут служить корпоративные, семейные отношения; отношения иждивенчества); фактически имеющей место особенной значимости для отдельных субъектов оборота отдельных имуществ, личных состояний, социальных взаимосвязей;
- признание оправданных приоритетов, не нарушающих общего равенства субъектов (например, права преимущественного приобретения имущества; пролонгации действующего договора в предусмотренных правопорядком случаях);
- признание обусловленности несения обременений, бремени содержания, иных расходов, обязанностей, связанных с введением в оборот какого-либо имущества, фактической возможностью эксплуатации и использования полезных свойств этого имущества, а в установленных правопорядком случаях — ограниченности этих обязанностей реальной стоимостью имущества, с пребыванием которого в хозяйственной сфере обязанного лица эти обязанности связаны (например, исполнение долгов наследодателя, исполнение учрежденных им легатов и возложений только в пределах фактической стоимости унаследованного имущества);
- пропорциональность взаимосвязанных между собой тягот и преимуществ (например, доходов и расходов в контексте деятельности в рамках юридического лица или договора о какой-либо совместной деятельности размерам вкладов в имущество юридического лица, общее имущество) или равенство тягот и преимуществ субъектов, не имеющих по отношению друг к другу оправданных приоритетов (равенство наследственных долей при наследовании по закону; равнопропорциональное приращение наследственных долей);
- обеспечение надлежащего исполнения обязательств, в том числе встречного исполнения;
- обеспечение гарантий недопустимости причинения вреда и неосновательного обогащения;
- восстановление нарушенных состояний, в том числе в форме компенсации причиненного нарушением вреда; обеспечение в предусмотренных правопорядком случаях полноты возмещения убытков;
- корректировка по мере оправданности и необходимости размеров возмещения вреда; индексация выплачиваемых сумм с учетом размеров прожиточного минимума, инфляции, стоимости жизни;

- защита более слабых и менее защищенных участников гражданского оборота; ожидание более высокого уровня ответственности поведения от субъектов более масштабной и более высокорисковой деятельности;
- оправданное распределение рисков;
- использование оправданных мер мотивации участников правопорядка к повышенному добросовестному поведению, выполнению социально значимых функций, постоянному проявлению добрых нравов и законопослушания, а также оправданных компенсаций, иных мер восстановления и утрат, понесенных потерь в связи со следованием такой модели поведения.

Определяя соотношение понятий разумности, справедливости и добросовестности в гражданском праве, отметим, что не только в философии и теории права, но и в сугубо практических терминах регулирования гражданско-правовых отношений понятие добросовестности в основном охватывает понятия разумности и справедливости действий их участников. Все три понятия являют собой близкие по смыслу аспекты ожидаемого правопорядком конструктивного и предсказуемого поведения субъектов гражданского права. Это аспекты единой модели, призванной наиболее

приемлемым образом балансировать разнонаправленные и подчас противоречивые интересы различных индивидов, а также интересы частных лиц и публичные государственно-общественные интересы¹⁹.

Более того, можно утверждать, что разумность и справедливость, будучи аспектами добросовестности и выражая, соответственно, рациональный и этический элементы оптимального поведения в гражданском обороте и оптимального правового регулирования гражданских отношений, по сути, конституируют добросовестность. Добросовестность есть не что иное, как справедливая разумность или разумная справедливость; разделение и обособление каждого из трех понятий имеют сугубо доктринальное значение, однако даже их теоретическое понимание в качестве исходного тезиса должно неизбежно признавать триединство добросовестности, разумности и справедливости. Практическое же применение данных принципов права главным образом нуждается в согласованном и единообразном понимании содержательного наполнения этой триады и обусловленности этим содержанием конкретных стандартов приемлемого и недопустимого поведения в гражданском обороте.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву // Собрание сочинений. — М., 2010. — Т. 6.
2. Беседкина Н. И. Разумность как категория частного права. — М., 2017.
3. Ведяхин В. М., Ведяхина К. В. Понятие и классификация принципов права // Право и политика. — 2002. — № 4.
4. Гайдук А. С., Киселев А. А. Неприкосновенность собственности как принцип современного гражданского права России. — М., 2004.
5. Дворкин Р. О правах всерьез. — М., 2004.
6. Иванова С. А. Значение принципа социальной справедливости для гражданского права как отрасли частного права // Современное право. — 2005. — № 5.
7. Иванова С. А. Принцип справедливости в гражданском праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01, 12.00.03. — Владимир, 2006.
8. Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели. — СПб., 2017.
9. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, Е. Р. Абызова [и др.] ; отв. ред. Н. Н. Черногор. — М., 2019. — Т. 1.
10. Паскаль Б. Мысли. — М., 1994.
11. Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права // Теория и политика права. Избранные труды. — СПб., 2010.

¹⁹ Тесную связь понятий разумности и добросовестности оправданно констатируют Н. И. Беседкина (см.: Беседкина Н. И. Разумность как категория частного права. М., 2017. С. 49), С. К. Соломин и Н. Г. Соломина (см.: Соломин С. К., Соломина Н. Г. Добросовестность в гражданском праве. М., 2018. С. 35, 55).

12. Поляков А. В. Общая теория права. — СПб., 2004.
13. Принципы и презумпции в праве: междисциплинарный подход / Мордовец С. А. [и др.]. — Саратов, 2017.
14. Проди П. История справедливости. От плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. — М., 2017.
15. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. — М., 1897.
16. Ролз Д. Теория справедливости. — Новосибирск, 1995.
17. Свердлык Г. А. Принципы гражданского права. — Красноярск, 1985.
18. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Добросовестность в гражданском праве. — М., 2018.
19. Финнис Д. Естественное право и естественные права. — М., 2012.

Материал поступил в редакцию 19 июня 2019 г.

THE CONCEPT OF JUSTICE IN CIVIL LAW

KONOVALOV Aleksandr Vladimirovich, PhD in Law
pr@minjust.ru
119991, Russia, Moscow, ul. Zhitnaya, d. 14

Abstract. In the article the author concludes that: justice in civil law should be understood as an ethically justified aspiration of the participant of civil law relations while exercising his or her rights and performing the duties incumbent on him to take into account the interests of others and the public interest, to avoid the abuse of rights, to respect equality of participants of relations regulated under civil law and, if necessary, to undertake more duties and burdens than required by law. Also, the paper highlights that functional aspects of civil justice include, in particular, ensuring full implementation of civil legal personality, proper execution of obligations, protection of weaker participants in legal relations regulated under civil law, etc.

Keywords: justice, good faith, reasonableness, principles of civil legal relations, civil rights and obligations, civil turnover, private and public interests, civil legislation.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu [Ascension Law]. *Sobranie sochineniy [Collection of works]*. Moscow, 2010. Vol. 6. (In Russ.)
2. Besedkina N. I. Razumnost kak kategoriya chastnogo prava [Reasonableness as a category of private law]. Moscow, 2017. (In Russ.)
3. Vedyakhin V. M., Vedyakhina K. V. Ponyatie i klassifikatsiya printsipov prava [The concept and classification of the principles of law]. *Pravo i politika [Law and Politics]*. 2002. No. 4. (In Russ.)
4. Gaiduk A. S., Kiselev A. A. Neprikosновенность собственности как принцип современного гражданского права России [Inviolability of property as a principle of modern civil law of Russia]. Moscow, 2004. (In Russ.)
5. Dvorkin R. O pravakh vserez [About rights seriously]. Moscow, 2004. (In Russ.)
6. Ivanova S. A. Znachenie printsipa sotsialnoy spravedlivosti dlya grazhdanskogo prava kak otrasli chastnogo prava [The importance of the principle of social justice for civil law as a branch of private law]. *Sovremennoe pravo [Modern Law]*. 2005. No. 5. (In Russ.)
6. Ivanova S. A. Printsip spravedlivosti v grazhdanskom prave Rossii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.01, 12.00.03. [The principle of justice in the civil law of Russia: Abstract of The PhD Thesis : 12.00.01, 12.00.03]. Vladimir, 2006. (In Russ.)
8. Ismagilov R. F., Salnikov V. P. Pravo i spravedlivost: istoricheskie traditsii i sovremennye modeli [Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models]. St. Petersburg, 2017. (In Russ.)
9. Obshchee uchenie o pravovom poryadke: voskhozhdenie pravoporyadka [The general doctrine on the legal order: the ascension of law and order]. Chernogor N. N., Pashentsev D. A., Zaloilo M. V., Abyzova E. R. [et al.]. N. N. Chornoor (ed.). Moscow, 2019. Vol. 1. (In Russ.)

10. Pascal B. Mysli [Thoughts]. Moscow, 1994. (In Russ.)
11. Petrazhitskiy L. I. Vvedenie v nauku politiki prava [Introduction to the science of politics of law]. *Teoriya i politika prava. Izbrannye trudy* [Theory and politics of law. Selected works]. St. Petersburg, 2010. (In Russ.)
12. Polyakov A. V. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)
13. Printsipy i prezumpitsii v prave: mezhdistsiplinarnyy podkhod [Principles and presumptions in law: An interdisciplinary approach]. Mordovets S. A. [et al.]. Saratov, 2017. (In Russ.)
14. Prodi P. Istoriya spravedlivosti. Ot plyuralizma forumov k sovremennomu dualizmu sovesti i prava [History of justice. From pluralism of forums to modern dualism of conscience and law]. Moscow, 2017. (In Russ.,)
15. Regelsberger F. Obshchee uchenie o prave [General Doctrine of Law]. Moscow, 1897. (In Russ.)
16. Rolfs D. Teoriya spravedlivosti [Theory of Justice]. Novosibirsk, 1995. (In Russ.)
17. Sverdlyk G. A. Printsipy grazhdanskogo prava [Principles of Civil Law]. Krasnoyarsk, 1985. (In Russ.)
18. Solomin S. K., Solomina N. G. Dobrosovestnost v grazhdanskom prave [Good Faith in Civil Law]. Moscow, 2018. (In Russ.)
19. Finnis D. Estestvennoe pravo i estestvennye prava [Natural law and natural rights]. Moscow, 2012. (In Russ.)